
«Сия духовная... учинена подлинно по воле и просьбе означенного... купца»: завещания иностранных negociантов при Санкт-Петербургском порте начала 1770-х гг.

Наталия Козлова

«This testament... is truly realized by the will and request of the mentioned... merchant»: the wills of foreign merchants at the Saint Petersburg port of the early 1770s

Natalia Kozlova

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722050053, EDN: KKUPAV

Хорошо известны значение и ценность духовных завещаний как источников, отражающих различные аспекты семейной и частной жизни, имущественных отношений, а также разнообразные вопросы социальной истории. Духовные и другие семейно-правовые документы князей, служилых землевладельцев и гостей XV–XVII вв. начали публиковать уже во второй половине XIX в. Имеются и публикации отдельных духовных, сговорных и рядных записей некоторых известных представителей предпринимательской среды XVII–XIX вв.¹ Публикация подобных документов стала значительно масштабнее в последние два десятилетия: введены в научный оборот более 1200 семейно-правовых актов дворян, купцов, церковно- и священнослужителей, канцеляристов, лекарей, аптекарей Москвы XVIII в., их жён и вдов². Более 500 из них – духовные завещания, и только 10 текстов относились к проживавшим в Москве иноземцам.

Среди завещаний иностранных купцов одно составлено «гречанином города Гиздарска» М.Ю. Богдановым (1725), другое – английским «торговым иноземцем» Е.Е. Белем (1745)³. В обеих духовных с разной степенью подробности определялась судьба оставшегося имущества, упоминались наследники, решался вопрос о долгах. Греческий купец в соответствии с православной традицией поминания усопших вменял душеприказчику, тоже греку, «душу свою строить и поминать». Английский купец возлагал на жившую при нём около 30 лет вдову греческого исповедания, которой он оставлял двор, всё имуще-

© 2022 г. Н.В. Козлова

¹ Черкасова А.С., Мосин А.Г. «На благо любезного Отечества» // Демидовский временник. Кн. 1. Екатеринбург, 1994. С. 246–275; Юркин И.Н. Демидовы в Туле. Из истории становления и развития промышленной династии. М.; Тула, 1998. С. 259–261; Брянецев М.В. Купеческие завещания // Право: история, теория, практика. Сборник статей и материалов. Вып. 3. Брянск, 1999; Козлова Н.В. Духовные гостей Михаила Шорина (1711 г.) и Алексея Филатьева (1731 г.) // Очерки феодальной России. Вып. 5. М., 2001. С. 188–203; Четырина Н.А. «Заведение приносит не прибыль, а значительный убыток». Судьба баварского подданного предпринимателя в Сергиевом Посаде. Первая половина XIX в. // Исторический архив. 2012. № 6. С. 156–161.

² Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., вводная статья и коммент. Н.В. Козловой. М., 2002; Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / Сост., очерки и коммент. Н.В. Козловой и А.Ю. Прокофьевой. М., 2015.

³ Городская семья XVIII века... № 54, 70. С. 115, 139–140.

ство и долговые письма, заботу о его погребении согласно лютеранскому закону. Подлинность обоих завещаний свидетельствовали духовные отцы купцов: иеромонах Свято-Никольского греческого монастыря и пастор лютеранской церкви. Переводы с греческого и немецкого языков, на которых написаны подлинные тексты, сделаны учеником Эллино-греческой школы и переводчиком Иностранной коллегии.

На фоне этих скудных сведений о малоизвестных иноземцах Москвы содержание выявленных среди документов Юстиц-конторы двух завещаний иностранных негоциантов, англичанина Эдварда Фоула и немецкого купца Самуэля Зенка, в течение десятилетий живших в северной российской столице и торговавших с разными странами Европы, представляет значительный интерес. Тексты завещаний содержат новые биографические сведения не только о завещателях и их ближних и дальних родственниках, но и о лицах, связанных с ними личными и деловыми отношениями. Имеются в духовных зарисовки делового, бытового и личного характера; сакральные фразы, содержащие посвящение Богу и характеризующие физическое и душевное состояние составителя акта; перечни наследства; поручения, даваемые душеприказчикам, наконец, имена духовных отцов и свидетелей. Эти сведения позволяют оттенить внутренний мир, круг личных забот и характер отношений, существовавших внутри семьи и между людьми из ближайшего окружения торговых иноземцев в России времени правления Екатерины II. В итоге появляется возможность представить конкретное лицо не изолированно, а в контексте окружавших его сетей взаимоотношений. При сравнении с уже опубликованными завещаниями других иноземцев и российских купцов удаётся сделать наблюдения как относительно общих черт подобных эго-текстов XVIII в., так и ряда особенностей, свойственных завещаниям западноевропейских негоциантов.

Духовная английского купца и содержателя канатной фабрики Эдварда (Герварта) Фоула (Фауэлла) написана «на четырехрублевом» гербовом листе. При её составлении 17 мая 1771 г. присутствовали два свидетеля – генеральный консул Великобритании в Санкт-Петербурге Самуил Сваллоу и английский купец Георг Кетлей, скрепившие подписями её соответствие последней воле завещателя. Английский купец Э. Фоул и его душеприказчики английские же купцы Н. Каванах и Дж. Саффри, постоянно проживая в Санкт-Петербурге, вели торговлю через Санкт-Петербургский порт, принимали и отправляли за море иностранные и российские товары. Э. Фоул, как и его брат Томас, известен деятельностью в Петербурге с 1740-х гг. Первоначально братья торговали раздельно, а в 1753 г. объединились в одну компанию, что позволило им увеличить товарооборот. В среднем до 1760 г. к ним ежегодно приходило 11 кораблей (в 1759 г. – 24). Достигнув наибольших успехов в годы Семилетней войны, фирма братьев Фоул в 1761 г. распалась: Томас объединился с другими компаньонами, а Эдвард стал вести дела самостоятельно⁴.

Душеприказчики Фоула также входили в сообщество британских торговцев, купцов и промышленников Санкт-Петербурга. По сведениям английского историка Энтони Кросса, британские купцы и промышленники вместе с семьями в последние десятилетия XVIII в. «составляли самую большую и самую важную группу в Британской общине Петербурга»⁵. Джеймс Саффри

⁴ *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005. С. 108, 570.

⁵ *Кросс Э.* Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб., 2005. С. 102.

(1722–1781) не позднее 1771 г. стал компаньоном своего товарища по масонской ложе видного купца Тимоти Рейкса (1730–1810) в фирме «Рейнгольт и Рейкс»⁶. Другой душеприказчик, содержатель сахарной фабрики Николай Каванах (1725–1783), в 1740-х гг. состоял приказчиком у Томаса Фоула и в августе 1748 г. от имени своего хозяина участвовал в аукционе на поставку со следующего года в течение пяти лет для российской армии английских сукон⁷. В дальнейшем, начав торговать самостоятельно, Каванах стал известным в Петербурге сахарозаводчиком и вошёл в торговую компанию «Затрапезный, Каванах и К^о»⁸. На судах этой фирмы, ходивших под английским флагом, доставлялось сырьё для сахарного завода Каванаха и вывозилось полотно, производимое на мануфактуре Затрапезного. Объявления о продаже с публичного торга имевшихся на фабрике Каванаха сотен пудов патоки («погорелаго сахара») неоднократно появлялись в «Санкт-Петербургских ведомостях»⁹. Николай Каванах с женою Мэри Козенц жил в собственном доме на дворе сахарной фабрики, размещавшейся на Васильевском острове между 11-й и 12-й линиями, сдавая здесь же жильё подмастерьям своей фабрики и купцам¹⁰. В объявлении газеты «Санкт-Петербургские ведомости» от 10 июля 1780 г. Н. Каванах значится в списке отъезжающих из столицы на родину¹¹. Такие объявления давались об иностранцах, чтобы те, кто имел до отъезжающих какие-то дела, мог успеть их решить.

Э. Фоул был женат и имел двух дочерей, умерших в раннем возрасте¹². Возлагая на душеприказчиков обязанности по реализации содержащихся в завещании предписаний, Фоул выказывал уверенность, что они ему «покажут сей последней знак долго бывшей и постоянной дружбы». В благодарность за услугу душеприказчиков и в качестве знака своего к ним почтения каждый из них получал 150 голландских червонцев. Завещание английского купца лишено размышлений о скоротечности земной жизни и вечности бессмертной души. Нет в нём и обращения к милосердию Всевышнего, дарующего упокоевание души в Царствии Небесном, как в завещании немца-лютеранина Самуэля Зенка. Распоряжения англичанина, в том числе и касающиеся сакрального предмета, чётки и лаконичны. Вручая «душу свою всемогущему Богу и тело земле», он тут же переходит к мирским вопросам имущественного характера и перечисляет вещи, передаваемые «любезной и законной жене» Марье: её платье, часы, ювелирные изделия, бельё, кровать с постелью. Собственное платье и бельё завещатель оставил племяннику. Большинство распоряжений начинаются с фразы «завещаю и требую», усилившей категоричность предписаний.

⁶ Там же. С. 41, 99, 101.

⁷ Указатели к газете «Санкт-Петербургские ведомости» XVIII века: Именной (алфавитный). См. номера от 19.08.1748 (URL: <https://vedomosti1728.ru/card.cgi?r=82&id=21425>).

⁸ *Кросс Э.* Британцы в Петербурге... С. 82–83; *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы... С. 113, 129–130, 444.

⁹ Указатели к газете «Санкт-Петербургские ведомости» XVIII века: Именной (алфавитный). См. номера от 06.01.1777 и от 17.01.1777 (URL: <https://vedomosti1728.ru/card.cgi?r=82&id=21425> (дата обращения: 11.09.2021)).

¹⁰ Там же. См. номера от 19.04.1756. С. 6.

¹¹ Там же. См. номера от 14.05.1779 и от 10.07.1780.

¹² *Андреев А.Н., Андреева Ю.С.* База данных «Иностранцы Санкт-Петербурга первой половины XVIII века по метрическим записям англиканского прихода» (URL: <https://culture.susu.ru/nauchnaya-deyatelnost> (дата обращения: 26.11.2021)).

За отсутствием детей всё своё движимое и недвижимое имение, состоящее из домов, канатной фабрики, домашнего серебра, уборов, Фоул распорядился продать и обратить в деньги, прибавив к полученной сумме взысканные по векселям и крепостям долги. Уже из первых поступлений, не дожидаясь получения всей суммы, но после погашения собственных долгов, следовало начать денежные выплаты указанным в завещании лицам. Среди них упомянута племянница Фоула Анна, дочь Вилима Прескота, получавшая 500 руб., мастер канатной фабрики Фоула Томас (100 руб.), душеприказчики. Оставшуюся сумму, согласно воле Фоула, надлежало положить под проценты в России или в Англии; проценты пожизненно выплачивались по полугодиям жене Марье и сестре Екатерине в равных долях. В случае смерти одной из них проценты доставались другой сестре Фоула — Марье Аткинсон, а в конечном итоге дочерям обеих сестёр. Английский купец предусмотрел и ситуацию малолетства племянниц или их детей, поручив душеприказчикам отдать их долю капитала на сохранение доверенным по их выбору людям. Учтена и возможность смерти одного или обоих душеприказчиков до произведения всех расчётов. В этом случае обязанности последних переходили на их собственных душеприказчиков. Фоул заочно утверждал их, «как бы для того их имена здесь внесены были». Напоследок завещатель объявил все прежние, когда-либо составленные завещания недействительными и уничтоженными. Духовную завещатель при свидетелях подписал и скрепил печатью.

Фоул не зря полагался на своих душеприказчиков. Выполняя волю соотечественника и друга, они по его кончине не раз публиковали в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявления для тех, кто имел к умершему английскому купцу и содержателю канатной фабрики Фоулу законные требования, предлагая явиться к его душеприказчикам. Первое объявление дали уже 28 июня 1771 г., спустя шесть недель после составления завещания. В объявлении сообщалось и о продаже после умершего Фоула канатной фабрики на Васильевском острове с садом и со всеми фабричными строениями и инструментами. Аналогичное объявление появилось 2 сентября, а до этого, 10 августа, душеприказчики организовали продажу с публичного торга оставшихся в доме Фоула серебра, медной и оловянной посуды и других домашних вещей¹³. Через год, 3 июля 1772 г., душеприказчики представили духовную Фоула в Юстиц-контору, где её с английского языка перевели на русский язык и зарегистрировали, взяв пошлины и записав в конторскую книгу. Решение о признании духовной соответствующей последней воле Фоула вынесено 25 сентября 1772 г. и записано на подлинном тексте завещания с приложением конторской печати и скрепою секретаря¹⁴. Соответствие перевода оригиналу подтвердил переводчик Коллегии иностранных дел Иван Ньюман. Подлинную духовную отдали душеприказчикам 22 октября 1772 г.

Вторая духовная составлена иностранным купцом немецкого происхождения Самюэлем Зенке, чьи торговые операции были связаны с Данцигом. До раздела Речи Посполитой в 1793 г. город находился на её территории, но его купцы и ремесленники в основном были немцами. Местные коммерсанты вели активную торговлю на Балтике. Некоторые из них постоянно находились

¹³ Указатели к газете «Санкт-Петербургские ведомости» XVIII века: Именной (алфавитный). См. номера от 28.06.1771, 02.08.1771 и 02.09.1771 (URL: <https://vedomosti1728.ru/card.cgi?r=82&id=50735> (дата обращения: 11.08.2021)).

¹⁴ РГАДА, ф. 285, оп. 1, ч. 1, д. 197, л. 82–82 об.

в Санкт-Петербурге. В конце 1740-х – начале 1750-х гг. в столице России действовала иностранная компания «Зенке и Кейзер», ежегодно принимавшая из Данцига до девяти кораблей. После 1753 г. деятельность компании не прослеживается, зато в документах Санкт-Петербургской таможни упоминается торгующий самостоятельно коммерсант Петер Готтлиб Кейзер¹⁵. В «Ведомостях» о стоимости привозимых из-за моря в Санкт-Петербург товаров за 1764, 1765 и 1772 гг. упоминается голландский купец Самуэль Зенке, получавший товаров на суммы от 1363 до 4121 руб.¹⁶ Вероятнее всего, данцигский купец 1740-х – начала 1750-х гг. и голландский купец 1760-х – начала 1770-х гг. – один и тот же коммерсант. О его немецком происхождении свидетельствует язык завещания, составленного незадолго до его смерти 17 июня 1772 г. О совместных торгах с Кейзером Зенке вспомнил на смертном одре, завещав «по торгу товарищу» «в знак памяти» 300 руб.

Завещание писалось во время тяжёлой болезни. Как человек, верующий в бесконечное милосердие Всевышнего, он надеялся на упокоение своей души в Царствии Небесном. Перечень земных дел, об устройении которых спешил позаботиться Зенке, открывает распоряжение относительно пристойного погребения его тела «по христианскому обыкновенью», на что определялась значительная сумма в 500 руб. Своими наследницами купец Зенке назначил двух сестёр, проживавших вместе с мужьями в Мариенбурге, и мачеху. Дав конкретные указания о выделяемых им денежных средствах и определив порядок их получения, он подробно расписал вклады на сумму в 7100 руб., предназначенные на церковную благотворительность (всего же в разные раздачи назначались 12900 руб.). Они адресовались как конкретным кирхам в Санкт-Петербурге (св. Анны на Литейной стороне (3 тыс. руб.), и св. Екатерины на Васильевском острове (2400 руб.)), так и пасторам этих церквей Гроту (200 руб.) и духовнику купца Лонзерту (500 руб.). Примечательно, что завещатель постарался за счёт части денег, предназначенных кирхам, обеспечить существование двум старым и больным людям. Он оговорил, что кирха св. Екатерины сначала получает только 2 тыс. руб., а ещё 400 руб., предназначенные ей, следует отдать под проценты, чтобы половину их использовать на содержание старика стекольщика Траута, а другую – на содержание слепой Жанны-Софьи Мак, живущей у некоего башмачника. И только после их смерти капитал в 400 руб. поступал в полное распоряжение кирхи.

«Бедным людям» предназначались и суммы, что оставались от 500 руб., выделенных на погребение. О малоимущих, больных и увечных людях завещатель заботился, жертвуя из средств, назначенных дочерям, четвёртую часть (1 тыс. руб.) Иерусалимскому госпиталю в Мариенбурге. Немалые суммы, остававшиеся за всеми расходами и выплатами, передавались в сиротский дом в Данциге. Формы реализации благотворительной деятельности немецкого негоцианта отражали его религиозность и соответствовали «доброму чину милостыни», давно усвоенному западным обществом и активно внедряемому со времён Петра I в российскую практику общественного призрения. Любопытно, что в завещании Зенке ни разу не упомянуты нищие и характерная для духовных русского православного люда ручная милостыня, сохранявшаяся, несмотря на её зако-

¹⁵ Захаров В.Н. Западноевропейские купцы... С. 175–176.

¹⁶ Внешняя торговля России через Петербургский порт во второй половине XVIII – начале XIX в.: Ведомости о составе купцов и их торговых оборотах / Ред.-сост. А.И. Комиссаренко, И.С. Шаркова. М., 1981. С. 19, 40, 61.

нодательный запрет и негативную оценку церковной властью как «суетной милостыни». К частной благотворительной деятельности Зенке можно отнести и записанный в его завещании отказ от долговых претензий к некоему Антону Антоверу.

Любопытен круг лиц, кому немецкий купец выделил значительные суммы. Во-первых, это два душеприказчика, «эксекюторы» последней воли купца – немецкие купцы Милдан Даниэль Христиан и Матвей Гетше. Они, как и Зенке, постоянно жили в Санкт-Петербурге и вели торговлю в столичном порту. Первоначально в 1760-х гг. в скромных объёмах её начал Милдан, а позднее к нему подключился Гетше. С 1767 г. портовые ведомости вплоть до 1777 г. фиксировали ежегодный приход в адрес фирмы «Милдан и Гетше» от 1 (1767) до 12 (1771) торговых кораблей¹⁷. В 1765 г. они совместно продали привозных товаров на сумму в 3555 руб., а в 1772 г. – на 11585 руб. В том же 1772 г. они отпустили за море российских товаров на 53738 руб.¹⁸ Сбыт иностранных товаров фирма осуществляла с помощью как столичных, так и провинциальных торговцев, предоставляя им по векселям кредит. В 1773 г. она представила к взысканию с должников векселя на сумму в 1336 руб., 89% из них приходились на российских купцов¹⁹. Завещатель испытывал к душеприказчикам полное доверие, не сомневаясь, что они приложат старание, «дабы в противность сей духовной ничего учинено не было, но паче исполнена была оная во всех частях непременно». В знак дружбы и благодарности за порученный им труд Зенке просил «господ эксекюторов» принять от него 800 руб. Среди других лиц, отмеченных Зенке особо, значатся учитель Императорской Академии наук Иоганн Шульц (ему завещаны все печатные книги, бельё и домашнее имущество, 50 руб. наличными деньгами); бывший торговый партнёр Зенке Кейзер (300 руб.); лекарь Эберман (100 руб.); дядя завещателя Демлер (500 руб.); хозяин квартиры на Васильевском острове, где жил Зенке (50 руб.).

Завещание Зенке на немецком языке в присутствии в качестве свидетелей пяти немецких купцов составил императорский публичный нотариус Санкт-Петербургского порта Фёдор Медер, по просьбе Зенке прибывший на его съёмную квартиру. Текст прочли вслух, после чего завещание подписали нотариус, завещатель и свидетели, скрепившие подписи печатями. Всего через неделю, уже после смерти Зенке, 25 или 26 июня его душеприказчики представили завещание в Юстиц-контору. Там его перевёл на русский язык переводчик Юстиц-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел титулярный советник Христиан Крендер. После освидетельствования подлинности завещание записали в книгу, взяв пошлины. Подлинную духовную 4 июля 1772 г. отдали душеприказчикам.

Завещательные письма иноземных купцов содержатся в составе крепостных записей, выявленных в коллекции записных книг частноправовых актов фонда Юстиц-конторы Российского государственного архива древних актов²⁰. Их структура в целом соответствует строению подлинных текстов духовных, записываемых в соответствующие книги при их освидетельствовании и регистрации. Но всё же она имела и отличия, присущие крепостным записям как особому виду регистрационных документов. В них присутствовала вводная

¹⁷ Захаров В.Н. Западноевропейские купцы... С. 598

¹⁸ Внешняя торговля России... С. 44, 64.

¹⁹ Захаров В.Н. Западноевропейские купцы... С. 647.

²⁰ РГАДА, ф. 285, оп. 1, д. 810, л. 6–8, 9 об.–13.

часть, где сообщалось, кто и когда представил в Юстиц-контору духовную для освидетельствования и записи в книгу, а также имелась заключительная развёрнутая ремарка, воспроизводящая процедуру проверки её подлинности посредством допросов писца и свидетелей, регистрации и взятия соответствующих пошлин. Её текст полностью воспроизводил надпись, записываемую на подлинном акте или его копии. В самом конце шли подписи лиц, представивших духовную для регистрации и получившие её на руки. Всё это — обычные структурные части крепостных записей духовных завещаний лиц разной социальной принадлежности, национальности и вероисповедания. Отдельные нюансы, конечно, встречались, но они были вызваны, например, тем, что процедура освидетельствования духовных иноземцев предварялась их переводом на русский язык, чью идентичность оригиналу подписью подтверждал переводчик. При написании духовной иноземца мог присутствовать публичный нотариус, своей подписью, помимо свидетелей, утверждавший её соответствие воле завещателя.

Характерные для духовных российских дворян, купцов и разночинцев пять клаузул, свойственных ещё византийским образцам XIV–XV вв., в основном воспроизводились и в завещаниях иностранных купцов, ремесленников, лекарей, аптекарей, учителей. Нередко текст начинался с *invocatio* (посвящения Богу): «Во имя Светыя и Благодетельныя Троицы»; «во имя Божие», «во имя Всесвятой и Неразделимой Троицы»; «во имя Святыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа»; «во имя Святой Троицы, Бога Отца, Сына и Святаго Духа» и др. Далее следовало имя завещателя (*intitulatio*), правда, иногда оно указывалось только в конце при подписании документа. В третьей части определялось физическое и душевное состояние её составителя и излагались причины написания духовной (*arenga*): «Хотя телом слаб, но духом тверд», «Состоя в полном уме и разуме». Западные коммерсанты и лица разных занятий, подобно российским купцам, дворянам и разночинцам, составляли завещания в случае болезни («при умножении лет моих, видя слабость сил своих», «в крайней болезни, от которой... едва освободиться могу», «в зело тяжкую болезнь впал», «тяская ж болезнь, которою я Божиим допущением ныне посещен») и ожидания возможной смерти («будучи приводить мне на память приближающуюся мою кончину», «ежели Всевышний по своей праведной воли меня от сей временной жизни в вечную отозвать соизволит», «слабое мое сложение ежедневно мне воспоминает готовиться к смерти»)²¹.

Четвёртая клаузула — *dispositio* (распоряжение по существу дела). Эта часть наиболее разнообразна по содержанию. Даваемые на пороге смерти распоряжения лютеран и православных обычно начинались с вопросов сакрального характера. Правда, их место, значение и содержание принципиально различаются. Английский купец был лаконичен, записав в своей духовной фразу: «Препоручая душу свою всемогущему Богу и тело земле». Зенке оставил более пространную запись, но суть её та же: «Препоручая... душу мою безконечному милосердию Всевышняго Творца в безсумненной надежде, что он оную, любя своего Сына, моего Спасителя, в Царствие Небесное к себе примет в вечное блаженство... Тело мое по разлучении с душою похоронить честно и пристойно по христианскому обыкновению». Во всех других известных завещаниях западных иноземцев XVIII в. можно встретить тот же рефрен: «Мою грешную душу

²¹ Городская семья XVIII века... № 173, 191, 192. С. 292, 321, 323.

поручаю в руцы Бога Всевышняго моего Творца и во все глубочайшия святые раны моего Спасителя Иисуса Христа, а тело свое грешное земли предаю»²²; «вручить в истинном уповании душу мою в руце Спасителя моего несумненно... и погреть тело мое честно»²³. Ещё точнее, в соответствии с лютеранским вероучением, выразился в завещании 1774 г. мастер слесарного дела Еким Стендер: «И того ради хочу я, когда тело от души растанется, мою чрез кровь Господа и Спасителя Иисуса Христа искупленную душу предать в руки Бога Отца, умершее тело — земле, которая есть наша мать, толко таким образом, чтоб оное по христинскому обыкновению было погребено»²⁴.

Для религиозного сознания лютеранина характерна вера в то, что спасение души человека в руках Божиих, и даётся оно не по делам и заслугам, а как проявление всемогущества и милосердия Всевышнего. Достичь же спасения можно только через личную веру в Бога и в искупительную жертву Иисуса Христа, а потому умершие не нуждаются в молитвах живых. В лютеранской Церкви нет практики поминания усопших в 9-й и 40-й день, а совершаемые таинства справляются бесплатно. Не случайно встречающиеся в завещаниях западноевропейских купцов упоминания о денежных отчислениях, предназначенных в конкретные кирхи и пасторам, а также родственникам, душеприказчикам и разным лицам, определялись не ради поминовения души, а «в знак дружбы», «в знак памяти», в благодарность за услуги. Напротив, для православного человека забота об «устроении души» и заблаговременной организации поминовения служб являлась важнейшей частью даваемых на пороге смерти распоряжений²⁵. Основным средством упокоения души после смерти признавалась молитва о прощении грехов и душевном спасении умершего, молитва живых за мёртвых, согласно православному восприятию смерти, могущая отмолить души умерших и способствовать их «устроению». Отсюда проистекало стремление умирающего «попечаловатиси о бедной и многогрешной душе» своей и учинить «пристойное и полезное распоряжение на случай внезапнаго часа смертнаго». Этим целям служили щедрые вклады в монастыри и церкви, раздача милостыни нищим, по тюрьмам и богадельням.

Пятая клаузула — *sanctio* (заключения против нарушителей воли завещателя) нередко встречается в завещаниях православных и лютеран. Но и здесь были особенности. Обычной фразой во многих духовных московских дворян и купцов являлась угроза Страшного суда как неминуемая расплата и подведение всех итогов. Свойственное религиозному сознанию понимание его неизбежности побуждало наследников точно исполнять все распоряжения завещателя. Весьма серьёзным являлось и проклятие, настигавшее нарушителей воли усопшего²⁶. В завещаниях иноземцев угроза Страшного суда не встретила ни разу. Самым суровым предостережением против нарушения воли усопшего служило проклятие. «Ежели кто к сему моему завету что прибавит или убавит, тот буди проклят, еже я так хочу и желаю», — приписала в завещании 1731 г.

²² Там же. № 173. С. 292.

²³ Там же. № 186. С. 316.

²⁴ Там же. № 191. С. 321–322.

²⁵ Козлова Н.В. «Душу свою грешную строить и поминать...». Забота о душевном спасении и благотворительность купцов и разночинцев Москвы XVIII века // Города Европейской России конца XV — первой половины XIX в. Материалы международной научно-практической конференции 25–28 апреля 2002 г. Тверь—Кашин—Калязин. Тверь, 2002. С. 349–359.

²⁶ Дворяне Москвы... № 223. С. 295.

иноземка Анна-Елизавета Иохемс²⁷. Чаще иноземцы в точном исполнении своей воли уповали на законность требований («и дабы сие самым делом надлежащим образом исполнено было, потому что все сие законно»)²⁸ и на старание душеприказчиков («дабы в противность сей духовной ничего учинено не было, но паче исполнена была она во всех частях непременно»)²⁹. Английский купец Э. Фоул, опасаясь, чтобы упущения в форме тестаменты не стали препятствием для его точного исполнения, в присутствии ему стили провозгласил, что духовная «в формах совершенна, и чтоб какой ни есть ее недостаток в формах не удерживал почести сию духовную законной, обязательной и достаточной ко всему тому, к чему она назначена». Зенке в свойственной ему мягкой манере помимо надежды на душеприказчиков акцент сделал на важности учёта воли, выраженной «для часа смерти».

К собственноручным подписям западноевропейских купцов-завещателей, душеприказчиков и свидетелей прикладывались их личные печати. Такие печати имелись у всех западных коммерсантов и их приказчиков и ремесленников. Ими скреплялись частная и деловая корреспонденция, договоры, соглашения и различные документы в удостоверение их подлинности. Во второй половине XVIII в. личные печати имелись и у российских купцов, осуществлявших отъездные торги и имевших штат приказчиков. Однако завещания отечественных представителей торгового мира печатью не скреплялись. Также не употребляли их в утверждение своей подписи душеприказчики и свидетели. Объясняя этот феномен, можно было бы сделать вывод о сохранении у православных сакрального восприятия духовного завещания, в то время как для протестантов оно стало уже сугубо деловым документом. Однако такое наблюдение было бы поспешным, поскольку употребление личных печатей среди россиян не встречается и при оформлении различных частноправовых документов – купчих, закладных, отпускных. При их регистрации прикладывалась только печать крепостной конторы.

Духовные завещания как источники, исходящие от конкретного человека, к тому же написанные от первого лица, по своему происхождению и характеру можно отнести к эго-документам. Возникая при определённых обстоятельствах частной жизни, они отражают конкретные проявления индивидуальности. В них запечатлены разнообразные детали и моменты личной и профессиональной биографии авторов, сведения о домашнем быте, уровне достатка, отношениях с близкими и друзьями. В завещаниях находят отражение культурно-религиозные модели, особенности языкового стиля и типа мышления, свойственные индивидуальным особенностям личности. Как и другие эго-источники, тексты духовных в ракурсе исторической антропологии открывают возможности для их междисциплинарного исследования и позволяют соотносить «личное» с социально обусловленным³⁰.

²⁷ Городская семья XVIII века... № 174. С. 295.

²⁸ Там же. № 192. С. 324.

²⁹ РГАДА, ф. 285, оп. 1, д. 810, л. 7–7 об.

³⁰ Суржикова Н.В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 6–13.